

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 и 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое МАРТА 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Толщѣе и отверзется. I.—2) Опроверженіе ложнаго извѣстія.—3) Состояніе Н. Г. Чернышевскаго (корреспонденція «Вольнаго Слова»).—4) Документъ относительно жепскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ.—5) Земскій голосъ изъ недавняго времени.—Отъ редакціи.—Ближайшія задачи земства.—6) Восемьнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. V. З. С.—7) Польскій проэктъ все-російской политической реформы. (Окончаніе). X. С.—а.—8) Кладезъ оффиціальной учености (Народное хозяйство Россіи. В. Безобразова). П. С.—9) Рабочій день и фабричное законодательство. (Окончаніе). В. Г.—10) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VII. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе). Н. Жебунева.

ЖЕНЕВА 1 марта 1883 г.

Печатаніе въ нашей газетѣ статьи «Восемьнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ» уже настолько подвинулось, что читатель можетъ видѣть ясно основную ея идею. Статьи доказываютъ до безспорности, что земскія учрежденія, поставленныя въ ненормальныя отношенія и къ населенію, и къ администраціи уже по самому Положенію 1864 г., чѣмъ дальше, все больше приводились бюрократіей въ невозможность работать на пользу населенія. Естественно является вопросъ о причинѣ такого положенія учрежденій, которыя должны представлять само населеніе нашихъ провинцій, — а также о томъ, гдѣ же выходъ изъ этого положенія?

Съ своей стороны, уже въ 53 №-рѣ, при началѣ печатанія названной статьи, мы указали на причины неуспѣха земскихъ учрежденій, — а именно на ихъ исключительную «хозяйственную» постановку и не только ихъ отдѣльность отъ провинціальной администраціи, но и на ихъ подчиненіе ей, а также на необезпеченіе ихъ общегосударственнымъ представительствомъ, — и тѣмъ самымъ указывали и выходъ изъ теперешняго неудовлетворительнаго положенія, какъ земскихъ учрежденій въ частности, такъ и всей Россіи. Съ нашими мыслями въ сущности согласенъ и тотъ «Земскій голосъ», который читатель найдетъ въ настоящемъ №-рѣ. «Голосъ» этотъ представляетъ одно изъ первыхъ проявленій мысли — сдѣлать нѣмѣнныя земскія и городскія учрежденія, крайне неудовлетворительныя, но все таки единственныя въ Россіи всесоюзныя представительныя собранія, «базисомъ» для агитаціи въ пользу политическаго преобразованія всего государства.

Сегодня мы не будемъ пускаться въ изложеніе практическихъ приѣмовъ подобной агитаціи, между прочимъ и потому, что это одинъ изъ вопросовъ тактики, о которыхъ всего менѣе прилично говорить людямъ, пребывающимъ за границей. Мы коснемся только самой общей стороны этого дѣла, а именно — необходимости подобной агитаціи для тѣхъ, кто желаетъ какого бы то ни было улучшенія въ нынѣшнемъ невозможномъ положеніи мѣстной администраціи и земскаго хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, — откуда же можетъ прійти это улучшеніе, какъ не отъ радикальнаго измѣненія администраціи мѣстной и центральной? Вѣдь земскія учрежденія болѣе десяти лѣтъ ходатайствовали объ улучшеніяхъ детальнѣхъ, самыхъ скромныхъ, — и какъ же имъ отвѣчало правительство: — чиновники и глава государства? Какія же основанія можно имѣть къ надеждѣ, что эти послѣдніе вдругъ, ни съ того — ни съ сего, измѣнятъ свое поведеніе? Развѣ теперь не повторяется на великіе лады представителями правительства, что реформа и такъ было слишкомъ много сдѣлано въ предъидущее царствованіе, — не смотря на то, что большая часть этого царствованія проведена была въ застоѣ и въ морчѣ разъ уже сдѣланныхъ реформъ, изъ которыхъ ни одна не была сдѣлана искренно и послѣдовательно?

Но, обращаясь даже къ этимъ реформамъ, къ условіямъ, при какихъ онѣ были даны, мы увидимъ, что и онѣ произведены были далеко не по одной инициативѣ правительства, по его доброй волѣ и его пониманію нуждъ страны, но и подъ вліяніемъ давленія общественной агитаціи*). Большие всего инициативы правительство, иначе Александръ II, обнаружало въ реформѣ крестьянской. На сколько тутъ было личной инициативы Александра II, теперь сказать еще трудно людямъ, не посвященнымъ въ секретъ личной жизни династии Романовыхъ. Но извѣстно, что въ секретныхъ комитетахъ, какіе учреждались при Николаѣ I по крестьянскому дѣлу (въ 1846 и 1848), Александръ Николаевичъ былъ противъ освобожденія крестьянъ, равно какъ и то, что онъ, и будучи еще наслѣдникомъ, и уже царемъ, выступилъ противъ инвентарныхъ проэктвъ Бибикова въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, а также и то, что, тотчасъ по вступленіи на престолъ Александра II, по его приказанію былъ изданъ Мпп. Вп. Дѣлъ циркуляръ, заявлявшій волю государя «ненарушимо охранять права, вѣщественными его предками дарованныя дворянству» (20 авг. 1855 года). Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ (30 марта 1856 г.), Александръ II произнесъ извѣстные слова московскимъ дворянамъ: «лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу».

Что произвело подобную перемену въ понятіяхъ Александра II? Повторяемъ, вполнѣ точно отвѣчать на этотъ вопросъ теперь еще трудно. Можно, впрочемъ, съ достовѣрностью предположить личное вліяніе на императора В. Кн. Елены Павловны, короля прусскаго и бар. Гакстгаузена, убѣжденія которыхъ тѣмъ болѣе могли на него подѣйствовать, что севастопольская война показала необходимость военной реформы въ Россіи на прусскій манеръ, а эта реформа не была возможна при крѣпостномъ правѣ (замѣтимъ, что изъ всѣхъ реформъ военная проведена была въ Россіи наиболѣе послѣдовательно, что, очевидно, указываетъ на особое къ ней вниманіе самодержца); затѣмъ фраза объ отмигѣ крѣпостнаго права сверху и снизу показываетъ, что на Александра II произвели впечатлѣніе и крестьянскіе бунты 1855 года (особенно кievскій и воронежскій), бунты, конечно, слишкомъ слабы, чтобы непосредственно заставить власть припяться за реформу, но которые, при тогдашнемъ настроеніи части общества, подготовленной внутренней и заграничной литературной агитаціей въ пользу реформы, были достаточною поддержкой для этой агитаціи.

Такимъ образомъ есть много основаній утверждать, что давленіе снизу, — отъ крестьянъ и общества, — играло сильную роль и въ дѣлѣ побужденія имп. Александра II къ началу крестьянской реформы. Эта же реформа логически должна была поднѣять вопросъ и о дальнѣйшихъ реформахъ — администраціи, суда и до конституціи государства включительно. У насъ есть письмо отъ

*) Вообще не желая унижать Александра II только потому, что онъ былъ царь, мы тѣмъ не менѣе считаемъ справедливымъ и полезнымъ опредѣлить настоящую степень его инициативы въ дѣлѣ реформъ 60-хъ годовъ, между прочимъ и въ виду страннаго приѣма, какой теперь употребляется недальновидными либералами въ русской печати и который состоитъ въ безмѣрномъ восхваленіи покойнаго царя-реформатора. Кого можно прельстить или обмануть этимъ приѣмомъ? Общество же этимъ не подвигнется.

Такимъ образомъ есть много основаній утверждать, что давленіе снизу, — отъ крестьянъ и общества, — играло сильную роль и въ дѣлѣ побужденія имп. Александра II къ началу крестьянской реформы. Эта же реформа логически должна была поднѣять вопросъ и о дальнѣйшихъ реформахъ — администраціи, суда и до конституціи государства включительно. У насъ есть письмо отъ

правильно въ общемъ Совѣтъ представителей народа. Но этотъ Совѣтъ только тогда станетъ истиннымъ выразителемъ интересовъ народа, когда онъ будетъ организованъ самими народомъ. Поэтому мы не должны быть фигурантами въ конституціонной комедіи, а отвергнувъ всякую конституцію, данную сверху, будемъ настаивать на созывѣ Учредительнаго Собранія.

И такъ, въ настоящую минуту земство должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ Учредительнаго Собранія. Всѣ остальные вопросы должны быть на время отложены.

Но, чтобы имѣть возможность предъявить такія требованія, всѣ общественныя силы въ настоящее время должны быть направлены на измѣненіе состава земскихъ собраній. До сихъ поръ выборы земскихъ гласныхъ были внѣ вниманія общества: съ этой минуты они должны быть предметомъ усиленной агитаціи. Земскія собранія требуютъ серьезной очистки и привлеченія болѣе живыхъ и сильныхъ элементовъ. Только при соблюденіи этого послѣдняго условія земство будетъ способно начать борьбу.

Избирая земство базисомъ движенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ вѣруемъ, что всѣ силы русскаго народа дружно соединятся, чтобы завоевать себѣ свободу, и тогда обновленная Россія по праву займетъ мѣсто среди цивилизованныхъ народовъ.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

V.

При настоящихъ условіяхъ общественной жизни, первый вопросъ, какой является передъ всякимъ общественнымъ учрежденіемъ, это — вопросъ о деньгахъ, на которыя оно должно совершать свои отправленія. Деньги, которыя могутъ имѣть земскія учрежденія, — зависятъ отъ двухъ условій: отъ мѣстныхъ богатствъ и отъ условій обложенія ихъ, опредѣленныхъ закономъ. Безсильная увеличить богатства, государственная власть можетъ сильно затруднить обложеніе, — и въ этомъ отношеніи русская государственная власть и ея низшіе агенты сдѣлали и дѣлаютъ все возможное для того, чтобы лишить земскія учрежденія того, что теперь называется «первымъ дѣломъ».

Приступая къ характеристикѣ борьбы чиновничества съ земствомъ въ этой сферѣ, — въ финансовой, — мы должны напомнить, что финансы земства, и даже въ большей своей части, вовсе не идутъ на нужды мѣстныхъ или, по нашей официальной терминологіи, на расходы необязательныя (на школы, больницы, на мѣры для улучшенія экономическаго благосостоянія населенія и т. п.), но на нужды государственныя, обязательныя (повинности почтовой, дорожной, по расквартированію войскъ, содержанію полиціи и т. п.). При введеніи земскихъ учрежденій, по смѣтѣ на 1865 г., бюджетъ земскихъ сборовъ распредѣленъ былъ такимъ образомъ: на государственныя потребности изъ него было отчислено 18.046.424 р., на земскія (губ. и уѣздныя) всего 3.828.770. Съ этими

неполными четырьмя милліонами рублей земство должно было начать свое самоуправленіе и многостороннюю дѣятельность, такъ какъ всѣ права его по отношенію къ львиной долѣ, захваченной государствомъ, ограничены были участіемъ въ раскладкѣ этой доли, которую земство должно, что называется, вынуть да положить, и при этомъ о дальнѣйшемъ, т. е. о цѣлесообразности и употребленіи этихъ расходовъ, не разсуждать. И до сихъ поръ отношеніе обязательныхъ и необязательныхъ земскихъ расходовъ является въ слѣдующемъ видѣ:

	Всего расходовъ	Обязательные	Обяз.
1869 г. по 28 губ.	16.324.810 р.	6.117.824	37,5
1870 » » 28 »	17.345.243 »	6.630.774	38,2
1871 » » 31 »	18.119.759 »	7.736.042	42,7
1872 » 1 » 32 »	22.205.148 »	10.095.384	45,5
1873 » 1 » 32 »	22.712.058 »	10.945.055	51,8
1874 » 1 » 32 »	25.875.588 »	12.806.892	50,5
1875 » » 32 »	27.786.420 »	13.642.811	48,7
1876 » » 33 »	29.501.461 »	13.865.662	46,9
1877 » » 32 »	30.254.060 »	13.542.740	40,4

Въ 1879 году сумма общихъ земскихъ расходовъ равнялась 32.062.825; изъ этой суммы на обязательные расходы приходилось 16.050.369, т. е. нѣсколько болѣе половины всей суммы. Разсматривая же отдѣльные бюджеты разныхъ губерній, мы видимъ, что во многихъ мѣстахъ обязательные расходы даже и теперь превышаютъ необязательные, — такъ что сумма ихъ превышаетъ даже доходы земскіе и можетъ покрываться только изъ запасовъ.

Уже это обстоятельство налагаетъ на земства трудную финансовую задачу. Прибавьте къ этому, что земскія учрежденія застали въ Россіи обще-государственную педѣлѣйшую податную систему, которая лежитъ самымъ тяжелымъ образомъ на бѣднѣйшихъ классахъ, — что тѣмъ болѣе обижало земства налагать добавочныя податныя тяжести на удовлетвореніе собственно земскихъ нуждъ съ крайней осторожностью именно по отношенію къ этимъ классамъ. И вдругъ, въ самомъ началѣ существованія земскихъ учрежденій, правительство отняло у земства право обложенія одного изъ самыхъ богатыхъ и наименѣ платящихъ классовъ, — промышленнаго, издавъ, 21 ноября 1866 г., законъ, по которому фабрики и заводы не должны быть облагаемы земствомъ по степени ихъ доходности, а только, какъ постройки, а торговля свидѣтельства и патенты не выше 25% со вносимой въ казну пошлины.

Законъ этотъ въ свое время былъ называемъ многими косвеннымъ упраздненіемъ земскихъ учреждений или мѣрою, которая должна была сдѣлать эти учрежденія столь же безсильными, сколько и ненавистными бѣднымъ классамъ. И дѣйствительно, если изданіе этого закона не имѣло въ виду чего либо подобнаго, то совершенно невозможно и понять его политическій смыслъ. Законъ 21 ноября, конечно, нанесъ ударъ всѣмъ планамъ земства относительно выработки болѣе справедливой системы налоговъ, остановилъ начатыя въ этомъ направленіи работы и отбросилъ земскую систему налоговъ на рутинную дорогу — обложенія землевладѣнія, а въ немъ неизбежно крестьянства.

Не говоря о фактическомъ, крайне ощутительномъ для земства, сокращеніи средствъ,

въ этомъ дѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе та неравномѣрность несенія земскихъ повинностей торговлей и промышленностью, въ сравненіи съ земельной собственностью, которая, сама собой, явилась послѣдствіемъ закона 21 ноября. Изъ отчетовъ о земскихъ сборахъ за три года съ 1875 по 1877 видно, что по 33 губерніямъ торговля и промышленность несли на себѣ только $\frac{1}{8}$ часть, а крестьянство немного болѣе половины всѣхъ земскихъ сборовъ. Ярko характеризуется та уравнивательность, которая создана закономъ 21 ноября, распредѣленіемъ сборовъ по Московской губерніи, какъ извѣстно, одной изъ самыхъ промышленныхъ. Торговля и промышленность этой губерніи, съ годовымъ оборотомъ въ 176 $\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, платитъ земскихъ сборовъ 570.000, между тѣмъ крестьянство, съ земельной доходности только въ 2.635.000 р., должно платить сборовъ земскихъ 230.000 р. (а всѣхъ: казенныхъ, земскихъ и общественныхъ, 5.108.000, или 193% доходности, т. е. почти вдвое противъ всей своей земельной доходности). Принявъ же во вниманіе, что изъ суммъ 570.000, уплачиваемыхъ торговлей и промышленностью, 184.000 падаютъ на литейные патенты и косвенно выплачиваются тѣмъ же населеніемъ, то окажется, что вся торговля и промышленность уплачиваютъ земскаго сбора только 386.000 р. Такимъ образомъ, съ одной стороны, торговлей и промышленностью, при оборотѣ въ 176 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, уплачивается 386.000 р., а, съ другой, крестьянство при доходности, или точнѣе, при заработкѣ въ 2.635.000 р., платитъ на земство 230.000 р. Вотъ результатъ таксаціи правительства, созданный закономъ 21 ноября. Земству, ограниченному въ одной изъ самыхъ важныхъ и законныхъ статей обложенія, оставалось или развивать свою дѣятельность и потребныя для того средства, предполагавшіяся по съѣмнымъ разчисленіямъ съ торговли и промышленности, разложить на крестьянство, т. е. совершенно и окончательно его раззорить, или же сдѣлать программу дѣятельности, ограничиться только «неукоснительнымъ» исполненіемъ обязательныхъ отправленій, оставивъ въ сторонѣ всякое стремленіе къ увеличенію средствъ на необязательные расходы, т. е. на улучшеніе и усовершенствованіе благосостоянія населенія, которое, благосостояніе, со временемъ стало бы источникомъ и новыхъ доходовъ для земства.

Или для кого теперь не секретъ, что земства не подняли благосостоянія крестьянъ, бѣднѣе которыхъ идти въ ужасающей прогрессіи. Приведенныя цифры по Московской губерніи характеризуютъ тѣ тяжести, которыя приходится нести общинному землевладѣнію. Если къ этому прибавить еще то, что издѣлѣскія земли по крайней мѣрѣ свободны отъ казенныхъ сборовъ, которые несетъ крестьянство на своихъ плечахъ, то тогда будетъ вполне понятно то бѣдственное положеніе, въ которомъ находится и къ которому идетъ крестьянство. Ежегодныя статистическія свѣдѣнія, этотъ непогрѣшимый мѣръ народнаго богатства, прямо указываютъ, что оно падаетъ годъ отъ году. Количество скота уменьшается, голодъ въ народѣ дѣлается явленіемъ зауряднымъ. «Идемъ мы, говоритъ одинъ изъ тверскихъ гласныхъ, съ свойствен-

ноу русскому человѣку безпечностью, прямо и безвозвратно къ какой то бездонной пропасти. Земскія средства уменьшаются, губернскіе капиталы затрачиваются, а впереди рѣшительно ничего не видно. Земство, обезпеченное обязательными палогамн, не имѣетъ средствъ заботиться о развитіи не только народнаго благосостоянія, но и просто о сохраненіи населенія отъ голодной смерти». Изъ свѣдѣній о расходахъ за 1879 г. мы видимъ, что изъ 35 губ. только 17 нашли возможнымъ отчислить кой-какія суммы въ запасныя и различныя спеціальныя земскіе капиталы. Но эти отчисления далеко не представляютъ земскихъ экономизаций, а ихъ скорѣе можно считать обязательнымъ расходоу, отчисленіемъ въ ущербъ удовлетворенію текущимъ потребностямъ, единственной предупредительно мѣрой на случай такихъ явленій, какъ голодъ, или прямо даже банкротство. Что отчисления эти вызываються дѣйствительно страхомъ въ виду возможности такихъ явленій, показываетъ, напримѣръ, то, что самое крупное отчисленіе за 1879 г. дѣлаетъ Самарская губернія, какъ извѣстно, уже испытывавшая всю тяжесть голодухъ и безхлѣбницы. Да и ея ассигновка представляетъ цифру всего только въ 37.354 р. изъ общей суммы расходовъ въ 1.216.564 р. Въ другихъ же губерніяхъ отчисления, какъ видно, сдѣланы для того, чтобы въ бюджетѣ не было пробѣла въ этой графѣ расходовъ. Какой же, напр., можетъ образоваться запасной капиталъ изъ такихъ отчисленій:

	На составленіе запаснаго и спе- ціальн. земск. капиталовъ.	Общая сумма расхо- довъ.
Костромское земство (губерн- ское)	500	741.556
Харьковское (Богодуховскій уѣздъ)	610	760.345
Олонеккая (три уѣзда) . . .	2140	410.730
Полтавская (Роменск. уѣзд.)	2431	1.245.800

И все въ такомъ же родѣ. И что дѣйствительно эти отчисления дѣлаются сообразно съ средствами и не могутъ быть увеличены, это доказывается тѣмъ, что въ тѣхъ же губерніяхъ за тотъ же 1879 г. общій бюджетъ расходовъ въ сравненіи съ смѣтнымъ поступленіемъ представлялъ самую ничтожную разницу, иногда въ нѣсколько рублей.

Не менѣе характернымъ свѣдѣтельствомъ возрастающей земской несостоятельности служатъ также ассигновки земствъ на мѣры для содѣйствія успѣхамъ народнаго хозяйства и его охраненія. Ассигновки эти всюду колеблются въ размѣрахъ отъ 100 до 300 р., т. е. совершенно ничтожныхъ и не могущихъ имѣть никакого значенія. Впрочемъ, большинство земствъ, воплиъ сознавая, что такими ничтожными суммами никакой пользы не принесешь, совершенно удерживаются отъ всякихъ ассигновокъ по этимъ статьямъ. Дѣлать же большіе отпуски земства не имѣютъ средствъ. Принявъ же во вниманіе сегодню увеличивающіяся недоимки по земской кассѣ, слѣдовательно, уменьшеніе приходныхъ суммъ, мы уже прямо увидимъ, что, для покрытія расходовъ, земства по необходимости принуждены затрачивать запасныя капиталы или дѣлать долги. Изъ отчетовъ 1877 и 1879

годовъ въ смѣтныхъ расчетахъ по уплатѣ % на долги и погашеніе ихъ мы перѣдко видимъ, что не только у нѣкоторыхъ земствъ не было произведено погашеній, но, напротивъ, долги увеличились. Не приводя здѣсь этихъ разчисленій, по всѣмъ губерніямъ, мы укажемъ только на нѣкоторые:

	% и погашеніе долговъ въ 1877 г.	въ 1879
Вологодская	5.185	8.552
Воронежская	26.872	32.395
Вятская	9.100	24.198
Костромская	8.560	22.357
Московская	76.666	113.130
Орловская	14.346	15.800

Цифры весьма неутѣшительныя. Онѣ оправдывались бы въ томъ случаѣ, еслибъ наращеніе ихъ произошло въ силу образованія новыхъ долговъ по различнымъ уѣздамъ, происшедшихъ вслѣдствіе какихъ нибудь экстраординарныхъ причинъ, но, просматривая уѣздныя смѣты, мы видимъ, что многія изъ этихъ цифръ относятся къ однимъ и тѣмъ же уѣздамъ и къ старымъ долгамъ. Всѣ эти явленія и возрастающая изъ году въ годъ недоимка по земскимъ платежамъ и вообще неудовлетворительное поступленіе сборовъ прямо указываютъ, что уменьшеніе земскихъ средствъ происходитъ въ большинствѣ случаевъ не отъ уклоненія отъ платежей, а чаще отъ обдѣливанія плательщиковъ, отъ страшно непропорціональнаго обложенія крестьянскихъ земель въ сравненіи съ ихъ доходностью.

Всю эту финансовую несостоятельность земствъ предвидѣли и предсказывали лучшіе земскіе дѣятели тотчасъ послѣ изданія нелѣпаго закона 21 ноября 1866 года. Вотъ почему, тотчасъ по обнародованіи этого закона, всѣ почти з. собранія, въ томъ числѣ и петербургское, рѣшили протестовать противъ этого покушенія не только на земскую самостоятельность, и безъ того уже обрѣзанную по Положенію, но и на самый смыслъ существованія земскихъ учреждений.

Петербургское земство, подѣ первымъ впечатлѣніемъ нанесеннаго земскому самоуправленію удара, резюмировало свое постановленіе приблизительно въ слѣдующемъ смыслѣ: что, создавая законъ 21 ноября, законодательная власть выслушала только одностороннее мнѣніе высшей администраціи. Она не обратила вниманія на то, что въ дѣлѣ обложенія до изданія этого закона не было со стороны торговли и промышленности ни жалобъ, ни ходатайствъ о какихъ либо притѣвленіяхъ. Ходатайствуя объ отмѣнѣ этого закона, собраніе, въ виду того, что большинство земскихъ ходатайствъ, перѣдко чрезвычайно важныхъ для успѣха земскаго дѣла, оставляются безъ всякаго удовлетворенія и движенія и вообще задерживаются министеромъ внутреннихъ дѣлъ, постановило представить въ сенатъ жалобу на такіа дѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ.

Результатомъ этого постановленія было, какъ извѣстно, временное закрытіе земскихъ учреждений въ Петербургской губерніи. Эта карательная мѣра произвела страшно тяжелое впечатлѣніе на обществѣ. Правительство ясно показало свою неспособность ужиться съ самымъ законнымъ проявленіемъ самостоятель-

ности имъ же созданныхъ общественныхъ учреждений.

Въ лицѣ петербургскаго земства были побиты всѣ другія, которыя тоже высказали неудовольствіе закономъ 21 ноября 1866 года. Законъ сталъ дѣйствовать и приносить плоды. Впрочемъ, само правительство какъ бы сконфузилось передъ своей выдумкой и нашло нужнымъ какъ бы оправдаться передъ обществомъ. Но оправдательное объясненіе правительства вышло еще глупѣе, чѣмъ самый его проступокъ. Въмѣсто того, чтобы просто отмѣнить вредный законъ, правительство издало въ 1867 году, 16 февраля, циркуляръ, гласящій, что «во многихъ мѣстахъ законъ 21 ноября 1866 года былъ понятъ, какъ односторонняя правительственная мѣра, направленная на огражденіе интересовъ купеческаго сословія и промышленныхъ заведеній, въ ущербъ интересамъ поземельной собственности. Въ немъ усматривалось препятствіе къ развитію общепользуемой дѣятельности земскихъ учреждений. Предполагалось, что установленіе предѣльной нормы обложенія для торговыхъ свѣдѣтельствъ и промышленныхъ заведеній неминуемо вызываетъ установленіе такой же таксы для землевладѣнія. Наконецъ указывалось на антагонизмъ, будто бы возбужденный, въ средѣ земствъ, покровительствомъ зажиточнымъ классамъ народа передъ прочими и т. д.» Теперь циркуляръ 16 февраля увѣрялъ, что правительство не имѣло въ виду ничего подобнаго, а руководствовалось-де самыми благими намѣреніями. Правительство - де не руководствуется въ своихъ мѣропріятіяхъ одностороннею заботливостью объ исключительныхъ пользахъ того или другаго класса населенія; но оно обязано ограждать всѣ части этого населенія отъ такихъ тягостей, которыя несправедливы въ отношеніи къ нимъ и вредны въ отношеніи къ общимъ государственнымъ интересамъ.

На сколько дѣйствительно заботы правительства касаются «справедливыхъ отношеній къ тягостямъ разныхъ классовъ населенія» и на сколько оно «не руководилось», при изданіи закона 31 ноября, интересами одного класса, лучше всего показываютъ, кромѣ уже приведенныхъ выше, слѣдующія, напр., цифры. Въ 1868 году, въ Вятской губерніи на фабрикахъ и заводахъ было выдѣлено продуктовъ на сумму 23.461.972 р., не считая въ томъ числѣ доходовъ торговаго класса. Земскаго сбора съ промысловаго и торговаго класса въ этомъ году пришлось 40.099 р., что составляетъ съ 1000 рублей валоваго дохода менѣе 2 р. земскаго сбора. Земледѣльческая же промышленность за этотъ годъ получила продуктовъ на 30 милліоновъ рублей, а сумма земскаго сбора съ земель равнялась 695.564 руб., что составляетъ съ 1000 р. валоваго дохода 23 рубля. Самая справедливая уравнивательность! Далѣе, правительственный циркуляръ сознается, что землевладѣніе находится въ затруднительномъ положеніи, что поземельная собственность, дѣйствительно обременена непосильными налогами, но что для облегченія нужно искать другихъ путей. То есть, какихъ же? разумѣется, на счетъ того же землевладѣнія. Циркуляръ этотъ сопровождался рядомъ статей въ официальныхъ органахъ, стремившихся всѣмъ

силами облить черную глупость 21 ноября 1866 года. Но, как и следовало ожидать, эти оправдания не могли сделать черное белым. Впоследствии, когда прошло уже первое впечатление правительственной расправы с петербургским собранием, земские собрания постоянно и безостановочно ходатайствовали пред правительством об отмене или изменении закона 21 ноября; но, как и множество других ходатайств, так и эти остались без последствий. За последние годы поступили ходатайства: в 1877 году от земства самарского — об общей отмене закона; смоленского — об установлении обложения банков и акционерных компаний, находящихся в пределах губерний в размере $1\frac{1}{2}\%$ в год с чистого их барыша; об обложении судебных касс; о налоге на игральные карты; об увеличении земского сбора с патентов, с торговых свидетельств.

В 1878 году поступило ходатайство от нижегородского земства об отмене закона 21 ноября, в виду чрезмерного увеличения обязательных земских повинностей, в течение десятилетия времени с 1866 г. по 1877 год увеличившихся на 137.000 рублей.

Всегогонское земство ходатайствовало об увеличении земского сбора на торговые свидетельства и патенты в виду того, что на земство возложена выдача пенсий семействам раненных и убитых воинов, и в виду того, что обязательные расходы у земства из года в год увеличиваются. Излишне прибавлять, что все эти ходатайства остались гласом вопиющего в пустыню. А между тем из самых цифр земских расходов видно, что в последнее время доход промышленно-торгового класса не уменьшился, а увеличился, — и что это увеличение ускользнуло совершенно от налога.

Земская практика показывает нам один интересный пример тщетных усилий земства привлечь к налогу крупную промышленность, которая явилась из за границы в известную область с примыком намерением конкурировать с промышленностью крестьянскою и убить ее своею конкуренцией.

В Тверской губернии, как известно, бедной земледельческой промышленностью, начало было развиваться молочное хозяйство: изготовление сыров и пр. Уровень благосостояния населения начал подниматься; для большей успешности производства, начали появляться артельные сыроварни, явились школы сыроварения и пр. Земство помогало этим опытом. Об этих успехах прослышали иностранцы — и разные немцы, швейцарцы и пр. поторопились явиться в Тверскую губернию. Благодаря капиталам, лучшему умению и несомненной сравнительной культурности, они начали давить кустарничество в молочном хозяйстве и забирать дело сыроварения в свои руки, подчиняя себе крестьян. Земство, само собою, увидяло эту эксплуатацию и возымело совершенно законное желание получить в пользу земских, т. е. народных средств, хотя часть избытка от крестьянских трудов, идущих в иностранные карманы. Но налог на промышленность, по правительственной регламентации, налагается не на производ-

ство или доходность его, а на цену строений, а последние для сыроварения вовсе не требуются, особенно ценные. Волею не волею земству пришлось оставить всякое пожелание о введении справедливого обложения капиталистических сыроварень.

(Продолжение следует).

ПОЛЬСКИЙ ПРОЕКТЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ,

Русская Имперія. Польскій взглядъ на русскіе государственные вопросы. Berlin. 1882.

(Окопчаніе).

Мы передали в существующих чертах почти все содержание разбираемой нами книги. К сожалению, недостаток места не позволяет нам коснуться некоторых глав этой книги, трактующих об экономическом устройстве России, о необходимости полного уничтожения общественного землевладения, о воинской повинности и т. п. и затем главы о польском вопросе. Об этой последней мы считаем нужным замечать только, что автор, хотя и называет себя лояльным русским подданным и отрекается, повидному, от восстановления Польши, как самостоятельного государства, но тем не менее относится с большим огорчением к тому, что русское правительство разделило «польских» провинции на «губернии возвращенныя» и «неразрывно связанные». Вообще же автор не требует для «польских» провинций ничего, кроме того, что он требует и для других провинций России, и поэтому политический проект его в сущности не заключает в себя решительно ничего специально-польского. В этом отношении книга нашего автора представляет весьма интересное и интересное время, как пример выхода известных польских сфер из круга прежних стремлений польского сепаратизма, дуализма и т. п. в круг стремлений всеобщих. И тут национальность автора выразилась в его политических взглядах, по нашему мнению, главным образом тем, что, будучи помещиком и консерватором происхождения польского, он является человеком более свободным от придворных влияний и чиновничьих привычек, а потому и проводит свой консерватизм гораздо более логично, и в своем роде более либерально, чем этого можно было бы ожидать от большинства русских консерваторов. Повторим впрочем, что глава о польском вопросе, как и прочая, нами прочитанная, имет в книге только второстепенное значение. Поэтому обратимся к главному сюжету книги, т. е. к проектируемой ею русской конституции.

Не смотря на строго консервативный, а подчас даже совсем узкий сословный взгляд автора, — как самые эти взгляды, так и предполагаемая им система заключают в себе некоторые черты, заставляющие обратиться на них особенное и серьезное внимание. Такими чертами мы считаем прежде всего стремление к возможно более широкой децентрализации, признание за областями прав не только на известные бытовые особенности, но и на довольно широкую областную автономию, проведение во всей системе из-

бирательного принципа и т. п. Главную же и наиболее ценную, с нашей точки зрения, особенностью проекта, нам кажется то, что в основании его лежит идея возможно более широкого самоуправления мелких групп — волостей... Но к сожалению, как упомянутая выше сословная тенденция автора, так и его желание приписать защищаемую им же децентрализацию с «блеском короны» и усиленным влиянием центрального правительства — придает всему проекту характер полной невиданности и крайней непоследовательности, доходящей до совершенного разрушения самим же автором того, что только что было создано. Написавши несколько совсем серьезных страниц о том, что русское правительство в течение 20 лет трудилось и трудится над уничтожением или парализованием всех начатых было реформ, посредством всевозможных дополнений и разъяснений законов и министерскими распоряжениями и циркулярами, — автор на каждом шагу делает с своим собственным проектом как раз то же самое. Доказавши, даже пространнее, чем бы следовало, весь вред централизации и необходимость автономии и составивши достаточно рациональный проект всеобщей волости, автор немедленно же слышит обставит его целой кучей оговорок, совершенно уничтожающих весь смысл проекта. Для придания проектируемому им волостному самоуправлению более консервативной окраски, он считает необходимым ввести избирательный имущественный ценз, который, хотя и смягчается несколько добавлением к нему ценза образовательного, но тем не менее дает перевес в волостном самоуправлении элементу наименее спонтанному для самого же автора — разным кулакам и проходнякам. Затем, заставив волость представлять свой бюджет на утверждение провинциального земства и став волостных старшин и городских голов в зависимое положение от уездной полиции, ограничивая заботы волости о народном образовании одними начальными школами и проч., автор окончательно отнимает всякое значение у проектируемой им волости в смысле самоуправления и, повидному, сам того не замечая, впадает в то же самое централизм и бюрократизм, против которых написана чуть ли не половина всей его книги. Далее, в проекте провинциального самоуправления — это идет еще более прогрессивно. Посвятивши больше трех десятков страниц (348—380 и далее) подробному разбору всех тех ограничений, которые приводит пылкое земство не более как к «отяготительному дозволению заниматься местными делами, с обязательными ограничениями быть всегда одного мнения с всемогущей бюрократией» (стр. 353), указавши на непомыслимость прав председателей земских собраний, на зависимость избранных земством лиц от правительства, на произвола, на непризнание за земством значения политически признанных общественных собраний, на предвзятость решений земства на утверждение губернаторов, на запрещение земствам спонсировать непосредственно между собою и т. п., — автор строит свой проект провинциальных